

© 2012 г. А.В.Зезюлько

УДК 101

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС: ОТРАЖЕНИЕ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XIX ВЕКА

В российской гуманитарной культуре осознание противоречий научно-технического прогресса происходит несколько позже, но уже в середине второй половины XIX в. они становятся темой размышлений у Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Те выводы, к которым европейские художники идут через романтизм с его иронией и фантазийностью, русские писатели постигают в русле реалистической традиции. Однако они приходят к тем же или весьма сходным идеям о моральной двойственности научных достижений, об угрозах, которые может нести научный прогресс. Мировоззренческая атмосфера эпохи позитивизма, всеобщий оптимизм в отношении научных достижений не очаровывают, а заставляют художника задуматься о человеческом в науке, о месте человека в неудержимом научном прогрессе.

Интересно происходит в российской гуманитарной культуре освоение эволюционной теории Ч. Дарвина. В шестидесятые-семидесятые годы XIX в. эволюционная теория подвергается критике со стороны религиозных ортодоксов; реакцией на нее стало знаменитое стихотворение А.К. Толстого (1817-1875) «Послание к М.Н. Лонгинову о дарвинизме» (1872). Алексей Константинович Толстой известен как поэт и драматург, однако его исторические исследования также весьма значительны; в 1873 г. граф удостоился звания члена-корреспондента Петербургской Академии Наук за изучение истории России. Толстой был разносторонне образован и вполне ориентировался в достижениях современной ему отечественной и западной науки. Из сатирического текста «Послания» понятно, что научный прогресс представляется неизбежным, логика развития науки не зависит от желаний конкретного человека (цензора): «Всход наук не в нашей власти, / Мы их зерна только сеем» [1]. Поразительно, что теория Дарвина оценивается русским поэтом как научное достижение, равное теориям Коперника и Галилея: «И Коперник ведь отчасти / Разошелся

с Моисеем. // Ты ж, еврейское преданье / С видом нянюшки лелея, / Ты б уж должен в заседанье / Запретить и Галилея». Но подлинно научное знание не противоречит знаниям религиозным: «С Ломоносовым наука / Пережив у нас зачаток, // Проникает к нам без стука / Мимо всех твоих (*т.е. цензорских*) рогаток, // Льет на мир потоки света/ И, следя, как в тьме лазурной / Ходят Божии планеты / Без инструкции ценсурной, // Кажет нам, как та же сила, / Но в иную плоть одета./ В область разума вступила,/ Не спросясь у Комитета». Идея естественной истории о развитии материального мира, созданного высшей божественной силой, по автономным, независимым от провидения, законам, совершенно очевидно высказана в словах о «Божиих планетах».

Поэт утверждает, что опасности научного прогресса – не в нем самом, а в том, как его достижения применяются в жизненной практике; дарвиновская теория сама по себе не страшна, опасна ее нигилистическая интерпретация: «От скотов нас Дарвин хочет/ До людской возвесть середины –/Нигилисты же хлопочут,/ Чтоб мы сделались скотины».

В годы, когда Жюль Верн публикует научно-фантастические романы, где научное знание радикально улучшает повседневную жизнь, русские писатели и мыслители видят в этом прогрессе не только светлые стороны. Магистерская диссертация В.С. Соловьева «Кризис философии: против позитивистов» выразила эти же скептические взгляды на научный прогресс. Нельзя сказать, что для Достоевского исследование моральных ограничений научного знания выступает главной темой произведений, но она настолько переплетена с изучением глубин человеческой души, что зачастую становится существенным фактором развития сюжета и исследования человеческого характера. Так, в «Преступлении и наказании» Родион Раскольников не случайно именно студент университета, то есть человек с научным образованием, и именно образованность заставляет его полемизировать с ницшеанской идеей. Трагическая фигура чахоточного Ипполита в «Идиоте» – тоже образ человека, пытавшегося найти в науке смысл жизни, и не нашедшего. Об этих героях, об оценке критического разума у Достоевского пронизательно пишет Д.С. Мережковский: «Все покровы омертвелой, богословской и метафизической догматики были сдернуты или разорваны критикой познания. Но за этими покровами оказалась не мертвая пустота, не безразличная плоскость, как предполагали легкие скептики XVIII в. с их легким отрицанием, а живая притяги-

вающая бездна, самая живая и самая притягивающая из всех когда-либо перед человеческим взором обнажавшихся бездн. Разрушение догматики не только не вредит, а более, чем что-либо, содействует возможности истинной религии. Суеверные, баснословные призраки утрачивают свою реальность; но сама реальность становится уже не баснословною, а лишь *условною*, не суеверною, а лишь *неверною*, и потому-то именно тем более, более, чем когда-либо, призрачной. Религиозные и метафизические сны теряют свою вещественность, но сама явь становится «вещественной, как сон». Насколько страшнее, насколько безобразнее дантовского Ада, в котором все-таки есть же хоть какая-нибудь справедливость, то есть религиозное благообразие, эти неосвященные уже никакой религией, безобразные «сны наяву»: столь фантастический и, однако, столь реальный бред Заратустры о «вечных возвращениях», бред Свидригайлова о «закоптелой бане с пауками». Разве можно, в самом деле, жить с таким бредом, с таким слепым и глухим, бессмысленным ужасом в душе, на который наука отвечает только своим циническим: «пойдите к доктору», или же мертвым, сухим и коротким, как удар лба о стену: «не знаю»? Нет, после четырехвековой работы критической мысли мир не остался таким же страшным и загадочным, как был: он сделался еще страшнее, еще загадочнее» [2, с.181].

Фантасмагорический образ разрушительного влияния знания Достоевский предлагает в рассказе «Сон смешного человека» (1877), развивающем идеи, сходные с ранее высказанными в картинах сна Ставрогина («Бесы») и сна Версилова («Подросток»). Некое «иное» человечество, живущее не на Земле, в гармонии с природой своего тела и своей планеты (в своего рода Гиперурации, или в Рае), «заражено» случайной ложью – случайным антиморальным действием пришельца, – и теряет, ступень за ступенью, первоначальное блаженство и единство. Сначала ложь, затем сладострастие и ревность, затем жестокость и вражда, затем – стыд, затем они «познали скорбь и полюбили скорбь, они жаждали мучения и говорили, что Истина достигается лишь мучением. Тогда у них явилась наука» [3, с.439]. Прежде обитавшие в Раю, эти существа забывают свое прежнее счастливое состояние, а на вопрос, хотели бы они, если бы кто-то напомнил им его, вернуться назад, отвечают: «Пусть мы лживы, злы и несправедливы, мы *знаем* это и плачем об этом, и мучим себя за это сами <...> Но у нас есть наука, и через нее мы оты-

щем вновь истину, но примем ее уже сознательно. Знание выше чувства, сознание жизни – выше жизни. Наука даст нам премудрость, премудрость откроет законы, а знание законов счастья – выше счастья» [3, с.440].

Горькая ирония Достоевского читается как направленная явно против позитивистов, трагично его предсказание войны как следствия подобного развития... Каков же выход из ужасающей ситуации, в которой человеческая душа разрушается достижениями человеческого духа, естественное деформируется, мутирует, исчезает под натиском научно-культурного?

Ответ на этот мучительный вопрос был высказан Владимиром Сергеевичем Соловьевым в «Речах в память Достоевского». Смысл ответа – невозможно избежать тех опасностей, которые несет прогресс науки и техники, если разделять мораль, мысль и искусство. Соловьев говорит о Достоевском: «Будучи религиозным человеком, он был вместе с тем вполне свободным мыслителем и могучим художником. Эти три стороны, эти три высшие дела не разграничивались у него между собою и не исключали друг друга, а входили нераздельно во всю его деятельность. В своих убеждениях он никогда не отделял истину от добра и красоты, в своем художественном творчестве он никогда не ставил красоту отдельно от добра и истины. И он был прав, потому что эти три живут только своим союзом. Добро, отделенное от истины и красоты, есть только неопределенное чувство, бессильный порыв, истина отвлеченная есть пустое слово, а красота без добра и истины есть кумир. Для Достоевского же это были только три неразлучные вида одной безусловной идеи. Открывшаяся в Христе бесконечность человеческой души, способной вместить в себя всю бесконечность божества, – эта идея есть вместе и величайшее добро, и высочайшая истина, и совершеннейшая красота. Истина есть добро, мыслимое человеческим умом; красота есть то же добро и та же истина, телесно воплощенная в живой конкретной форме. И полное ее воплощение уже во всем есть конец, и цель, и совершенство, и вот почему Достоевский говорил, что красота спасет мир» [4, с.203].

Взгляды Соловьева сформировались во многом в связи с идеями Достоевского, глубинно с ними связаны. Как и у Достоевского, у Соловьева проблематика позитивных наук выступает как существенный элемент всего его философского творчества, в особенности в ранний период, когда начинается разработка философии всеединства. По мнению Соловьева, проверенному

его собственным опытом изучения естественных наук в Московском Университете, результатом чего стала магистерская диссертация о кризисе западной философии, развитие европейской «идеальной» философии и материальной науки в Новое время было блестящим, завораживающим, а не плодотворным. Прогресс в науке может привести к крушению всех принципов, на которых она основана. Позитивная (положительная) наука есть познание данных в опыте явлений в их необходимости или законах. Но эта закономерность – не только опыт, но и деятельность мышления. Следовательно, наука включает анализ и синтез опытных данных, данные опыта – всего лишь материал, который обрабатывает ученый для установления законов. Но закономерность явлений «не определяет самого существования явлений, ею не утверждается, что известное явление существовало там-то и тогда-то (или везде и всегда), а утверждается только, что если это явление существует, то, когда и где бы оно ни существовало, оно необходимо существует так, а не иначе, то есть в таком а не ином отношении к другим явлениям» [5, с. 269].

Закономерности частных наук показывают только отдельные стороны явлений мира, а не его всеобщую истину. Достижение истины требует соединить эти частные закономерности в одну цельную систему знания – Соловьев предлагает сделать это в виде иерархической системы, в основании которой – математика, а на вершине – социология. Система наук представляет классификацию частных наук по степени сложности предмета. В этой классификации, как и в самой постановке вопроса, несомненно, чувствуется влияние О. Конта [5, с. 274-277]. Для достижения полного целостного знания необходимо синтезировать частные науки в некую универсальную науку, которая содержит формальные начала частных наук – это рациональная философия или систематическое умозрение, несущее истины «всякого частного опыта и всякой частной науки». Принципы отдельных наук связаны с всеобщими истинами философии. Таким образом, каждая отдельная наука в своем опытном элементе несет материал, а в умозрении научную форму, вся совокупность частных наук по отношению к национальной философии дает материал, а философия придает ему форму безусловной необходимости и всеобщности (всеединства), то есть форму истинного знания [5, с. 276-277].

Но познание сущего не только в его данности, но и в целостности, универсальности и единстве, то есть постижение истины, достигается только че-

рез присоединение к науке и философии теологии, которая является первичным способом поиска человеком ответов на важнейшие человеческие вопросы. По Соловьеву, отход от религиозных истин и рационалистический поиск знания происходят из того, что некие первичные «религиозные данные» оказались по форме не совсем соответствующими «природному сознанию». Таким образом, подлинное цельное знание, которое Соловьев именуется теософией, достижимо при синтезе трех областей познания – положительной науки (с преобладанием эмпирического содержания); отвлеченной философии (знание общих принципов, логически совершенное) и теологии (знание, имеющее первым предметом и исходной точкой абсолютную реальность). Двигаться к подобному синтезу можно из любой сферы знаний, поскольку каждый из этих элементов, глубоко рассмотренный, становится цельным знанием [6, с. 342-353]. «Свободная теософия или цельное знание не есть одно из направлений или типов философии, а должна представлять высшее состояние всей философии как во внутреннем синтезе трех ее главных направлений – мистицизма, рационализма и эмпиризма, так равно и в более общей и широкой связи с теологией и положительной наукой» [6, с. 306-307].

Мы видим, что как у Достоевского, так и у Соловьева наука предстает как некая область интеллектуальной деятельности, ограниченная определенным методом и содержанием, и поэтому не способная существовать самостоятельно, независимо от других духовных областей. Если наука отделяется от общей духовной жизни, ее возможности существенно сокращаются, и те эмпирические «истины», которые она дает, становятся практически бессмысленными, отчужденными от смыслов человеческого бытия в мире. Если же научное знание получает поддержку философии и теологии, оно оказывается существенно более значительным и глубоким, экзистенциально важным, а не просто практически полезным. Наука – всего лишь один из аспектов подлинно истинного знания. В таком подходе к пониманию образа науки четко проявлены свойственный русской философской традиции этический и гуманистический пафос.

ЛИТЕРАТУРА

1. <http://www.alekseystolstoy.org.ru/lib/sb/book/2338/page/18>

2. *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский. М., 2000.
3. *Достоевский Ф.М.* Сон смешного человека // Достоевский Ф.М. Повести и рассказы. Т. 2. М., 1979.
4. *Соловьевъ В.С.* Три рѣчи въ память Достоевскаго. Вторая рѣчь// Собрание сочинений Владиміра Сергѣевича Соловьева съ тремя портретами и автографомъ. СПб., 1911-1914. (факсимильное издание). Т. III.
5. *Соловьевъ В.С.* Критика отвлеченныхъ началъ // Собрание сочинений Владиміра Сергѣевича Соловьева съ тремя портретами и автографомъ. СПб., 1911-1914. (факсимильное издание). Т. II.
6. *Соловьевъ В.С.* Философскія начала цѣльнаго знанія// Собрание сочинений Владиміра Сергѣевича Соловьева съ тремя портретами и автографомъ. СПб., 1911-1914. (факсимильное издание). Т. I.

L I T E R A T U R E

1. <http://www.alekseitolstoy.org.ru/lib/sb/book/2338/page/18>
2. *Merezhkovsky D.S.* Tolstoy and Dostoevsky. M., 2000.
3. *Dostoevsky F.M.* Dream of a Ridiculous Man // F.M. Dostoevsky Novels and short stories. T. 2. M., 1979.
4. *Solovev V.S.* Three speeches in the memory of Dostoevsky. The second speech // Sobranie sochineniy Vladimira Sergѣevicha Solovyov, three portraits and avtografom. St. Petersburg., 1911-1914. (facsimile edition). T. III.
5. *Solovev V.S.* Criticism otvlechennyh nachal // Sobranie sochineniy Vladimira Sergѣevicha Solovyov, three portraits and avtografom. St. Petersburg., 1911-1914. (facsimile edition). T. II.
6. *Solovev V.S.* Filosofskiya start tsѣlnago znaniya // Sobranie sochineniy Vladimira Sergѣevicha Solovyov, three portraits and avtografom. St. Petersburg., 1911-1914. (facsimile edition). T. I.

Педагогический институт

Южного федерального университета

15 июня 2012 г.